

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ ТУРКЕСТАНА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

<https://doi.org/10.53885/edinres.2022.7.7.009>

Бердикулова Гулчехра Исраиловна
преподаватель кафедры Русского языка и литературы
Каршинского государственного университета

Аннотация: В статье поднимается вопрос о важности непрерывности между звеньями образования. Анализируется, что образование является неразрывной составной частью любого общества, показателем его культуры и основой прогресса. В качестве связующего звена оно обеспечивает единство и преемственность социального опыта, духовно-нравственных и культурных традиций, прогрессивное развитие общества в направлении интересов государств. Рассматривается процесс изучения русского языка местного населения, созданный царской администрацией в этом крае.

Ключевые слова: образование, превосходство, обеспечение, развитие, традиции, языки, местное население, нравственность.

Annotatsiya: Maqolada ta'lim bo'g'inlari o'rtasidagi uzluksizlikning ahamiyati masalasi ko'tariladi. Ta'lim har qanday jamiyatning ajralmas bo'lagi, madaniyatining ko'rsatkichi va taraqqiyot asosi ekanligi tahlil qilinadi. U bog'lovchi bo'g'in sifatida ijtimoiy tajriba, ma'naviy-axloqiy va madaniy an'analarning birligi va uzluksizligini, jamiyatning davlat manfaatlari yo'lida izchil rivojlanishini ta'minlaydi. Shu bilan birga Turkiston hududida chor ma'muriyati tomonidan yaratilgan mahalliy aholining rus tilini o'rganish jarayoni ko'rib chiqiladi.

Kalit so'zlar: ta'lim, mukammallik, ta'minlash, rivojlanish, an'analar, tillar, mahalliy aholi, axloq.

Annotation: The article raises the question of the importance of continuity between the links of education. It is analyzed that education is an integral part of any society, an indicator of its culture and the basis of progress. As a connecting link, it ensures the unity and continuity of social experience, spiritual, moral and cultural traditions, the progressive development of society in the direction of the interests of states. The process of studying the Russian language of the local population, created by the tsarist administration in this region, is considered.

Key words: education, excellence, provision, development, traditions, languages, local population, morality.

Тема языковой политики, реализованной Российской империей в Туркестанском крае во II половине XIX – начале XX вв., до сих пор остаётся предметом изучения многих исследователей. Ее актуальность на сегодняшний день обусловлена целым рядом объективных обстоятельств, в основу которых легли, с одной стороны, глобализация и ее «побочный эффект», состоящий в обострении культурноценностной чувствительности национальных групп, с другой – распад СССР и начало процесса идентификации наций, в комплексе детерминировавших рост этноцентризма. Обусловленный стремлением к формированию и поддержанию интегрированности и социальности национального общества, а также повышением его управляемости правящими элитами, политический этноцентризм прибегает к кардинальному перекрою ранее сложившихся историографических и философских концепций и, как правило, конституированию образа «внешнего врага».

Языковая политика, проводившая Российской империей в Туркестанском

крае и в других национальных регионах, как различных феноменах, на формировании которых отразились неравнозначные факторы. Значительные возможности для решения спектра задач имперского вектора исследования предоставил ситуационный подход, методы которого позволили:

выйти за географические границы изучаемого пространства;

представить коренное население региона не объектом воздействия царской власти, а самостоятельным фактором;

исследовать мотивы всех факторов; сместить фокус исследования с факторов на процесс их взаимодействия и выявление логики их поведения и реакций на определенные обстоятельства;

отойти от упрощенной схемы взаимодействия центральных органов власти и местного населения [1; 3-5 с.].

Здесь важно сделать социокультурный подход, акцентирующий внимание на глубинных исторически сформированных и устойчивых социально-ценностных структурах, в частности среднеазиатских обществ, задающих объективные границы для их трансформации и модернизации. Ранее не изученные страницы истории позиционирования русского языка в Среднеазиатском регионе ориентированы на преодоление однобокости этноцентристских установок в оценках перспектив русского языка в Узбекистане.

К XIX в., в преддверии начала продвижения Российской империи в Среднюю Азию, территория последней была разделена между тремя государственными образованиями, местами не имевшими четких границ – феодальными ханствами. Два из них – Бухарское (в бассейне реки Заравшан) и Хивинское (в нижнем течении реки Амударья) – образовались еще в начале XVI в. из осколков распавшейся Великой Монгольской империи; третье – Кокандское ханство – появилось на политической арене в конце XVIII – начале XIX в. в Ферганской долине и являлось самым молодым государственным образованием в среднеазиатском регионе. До 1876 г. оно занимало территории современных Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Южного Казахстана и Синьцзян Уйгурского автономного района. В этот год земли Кокандского ханства вошли в Ферганскую и Сырдарьинскую область сначала Оренбургского, а позже Туркестанского генерал-губернаторства Российской империи [1; с. 42].

К началу XIX в. в Средней Азии проживало около 4 млн человек. К середине века цифра эта возросла до 5 млн. Самым густонаселенным ханством (эмиратом) являлось Бухарское с 3 млн жителей, на 43 втором месте находилось Кокандское с 1,5 млн. и Хивинское – с 0,5 млн. человек. Этнографический состав населения областей, вошедших позднее в состав Туркестанского генерал-губернаторства, представлялся более однообразным, чем, к примеру, в Сибири [2; с. 109].

Первое место по своей численности среди оседлого населения здесь занимали сарты, которых насчитывалось в регионе до 1 млн. 200 тысяч, т. е. почти 22 %. Этноним «сарт» был дан им другими туземными племенами. Сами же они именовали себя по названию тех городов, в которых проживали. Сарты представляли собой помесь арийцев с тюрками, со значительным преобладанием крови последних. На юге, в Ферганской и Самаркандской областях к ним же относили и «таджиков» – представителей иранского происхождения с небольшой примесью тюркской крови.

Следующую по численности группу оседлых туземцев – 6 % всего населения края, т. е. более 300 тысяч человек – составляли узбеки – кочевые, полукочевые и оседлые племена. Этноним «узбек», по мнению дореволюционных исследователей, являлся скорее собирательным,

чем племенным. Так именовали тюрков, которые подразделялись на 92 колена и «занимали середину между киргизами и сартами». «Отличаясь в противоположность последним воинственностью, будучи вольными сынами степей, любя больше всего свободу и набеги с грабежами», узбеки сыграли большую роль в политической жизни региона: они вели войны, подчиняли своему господству другие народы, возводили среднеазиатские троны эмиров и ханов и низвергали их, служили опорой туземных правительств и поднимали против них восстания [3; с. 495].

Об их некогда безграничном влиянии на геополитические процессы на евразийском пространстве писал подполковник Уральского казачьего войска, участник бухарского и хивинского походов А. П. Хорошхин: «Под разными названиями они (узбеки) произвели все перевороты в Азии и в Европе, приписываемые иными ничем невиновным монголам, народу с другим языком, и наше, якобы монгольское иго, скорее должно зваться узбекским или по крайней мере татарским, потому что узбек разных колен хозяйничал в Азии и в Европе под руководством: Чингиза, Чагатая, Темурхана, Тохтамыша, Батгя, Мамая и других в XIII, XIV, XV и XVI столетиях и оставил нам свой след в татарах: на Литве, в Крыму, на Кавказе и на Волге» [3; с. 495].

Несмотря на то, что политическое влияние узбеков с приходом русской власти сошло на нет, их культурное влияние на соседние народы оставалось по-прежнему заметным. Так, переняв от таджиков ислам, узбеки не восприняли персидский язык, тогда как узбекские наречия, в том числе сартовское, оказалось в большом ходу всюду между таджиками. С сартовским языком можно было обойти всю Среднюю Азию, так же как с французским Европу, а с персидским – всю остальную мусульманскую Азию. Лишь поэтому в качестве дипломатического языка кокандский, бухарский и хивинский кабинеты предпочли язык таджиков.

Методика обучения русскому языку как неродному в новых геополитических условиях только формируется, базируясь на наработках теории обучения (и воспитания) русскому языку как иностранному, русскому языку в национальной школе. Опыт должен показать в ближайшее время преэминентность и взаимодополняемость этих теорий и методик. Понятно, что базовый принцип обучения русскому языку как неродному остается: учет особенностей родного языка и родной культуры в учебном процессе необходим так же, как и сохранение базовых ментальных исторических связей личности с истоками своей нации через национальный (родной) язык и культуру.

Как видно, прежде всего следует сказать, что есть основное лингвистическое понятие — понятие «русский язык», сущность которого заключается в том, что это язык, характеризующийся определенной фонетической, морфологической, словообразовательной, синтаксической и семантической системами и определенным словарным фондом; именно эти стороны позволяют отличить русский язык, скажем, от немецкого, эстонского, узбекского, грузинского и др. языков; именно эти стороны позволяют утверждать, что человек говорит или пишет на русском языке, а не на каком-либо ином. Национальный язык с лингвистической точки зрения есть совокупность различных его форм, или разновидностей: диалектных, просторечных, социально-профессиональных и т. д. и литературной формы (с разными ее функциональными стилями). Все эти разновидности объединяет общая языковая система и основной словарный фонд и различают специфические особенности, свойственные одной разновидности и не свойственные другой или другим [1; с. 142].

Следовательно, лингвистическая сущность русского литературного языка заключается в том, что русские языковые средства, используемые

в нем, сознательно отобраны и закреплены как норма, обязательная для всех говорящих и пишущих (это, конечно, не исключает возможности варьирования в пределах нормы). В этом плане важно подчеркнуть, что различные разновидности русского национального языка представляют собой как бы его варианты, и литературный язык является одним из таких вариантов. Однако речь идет о вариантах национального языка как сложного лингвистического явления, характеризующегося, как уже говорилось, определенной совокупностью общего и частного в языковой системе.

Понятие русского языка как средства межнационального общения, если рассматривать и определять его в лингвистическом аспекте, не совпадает с понятием национального русского языка прежде всего потому, что в данном случае речь идет не о совокупности различных разновидностей русского языка, распространенных на тех или иных национальных территориях. Без сомнения, как уже говорилось, в устной и письменной русской речи нерусских, овладевших русским языком, обнаруживаются особенности, свойственные представителям одной национальности и не свойственные другой или другим, однако последним свойственны иные особенности. Придавать этим особенностям характер вариантов русского национального языка явно неправомерно, но тем более неправомерно говорить о вариантах русского литературного языка, ибо таких вариантов в принципе не может существовать: литературный язык един в своем проявлении, и в этом единстве его лингвистический статус.

Функционирование языков в сферах массовой коммуникации — это концентрированное выражение научно обработанного социального опыта пользования языком. Это значит, что каждый текст, публикуемый на страницах газет и журналов или передаваемый по радио и телевидению, подвергается тщательной проверке силами разных специалистов не только с точки зрения содержания, точности употребления терминов, но и с точки зрения соблюдения орфографических, орфоэпических, синтаксических, морфологических, стилистических, лексико-семантических норм. В этой работе участвуют лингвисты, журналисты, педагоги, литераторы, представители других отраслей знания.

Известно, что просветительство в Туркестане имеет глубокие генетические корни. Вторая половина XIX и начало XX века занимает особое место в истории Узбекистана. Усиление философии просветительства в XIX веке связано с объективными причинами отставания среднеазиатских ханств от развития. После завоевания Туркестана Российской империей открылись возможности для проникновения демократических идей, как из Европы, так и из Азии, общения с миром, что способствовало развитию освободительных идей в регионе.

Из истории известно, что колонизаторы, завоеватели всячески использовали систему образования, в частности обучению господствующему (русскому) языку населения своей колонии в ходе пропаганды государственной колонизаторской политики. Потому, что образование является неразрывной составной частью любого общества, показателем его культуры и основой прогресса. В качестве связующего звена оно обеспечивает единство и преемственность социального опыта, духовно-нравственных и культурных традиций, прогрессивное развитие общества в направлении интересов государства.

Генерал-губернатор Туркестана К.П. Кауфман главные надежды возлагал на русские общеобразовательные школы и на общение местного населения с русским населением, хотя недооценивал огромного значения свободного экономического общения народов Средней Азии с русским населением после

её присоединения к России, не понимал роли капиталистических тенденций, шедших из России и проникавших в экономику Средней Азии.

Н.И.Ильминский полагал, что организация целенаправленных школ царским правительством в регионе имеет политическое значение. Местное население представляет редкий случай единства языка и быта. Это обстоятельство представляет большое удобство для широкого распространения новых идей по всему Туркестану. Местное население усваивает идеи мусульманства в соприкосновении со Средней Азией; но гораздо сильнее приходят к ним понятия с русской границы, только не русские, а татарские, несмотря на то, что русское население здесь имеет перевес над татарским населением. В среду кочевых народов региона с двух сторон проникает ислам. Местная родовая и денежная аристократия больше заражена исламом, чем беднота. Чтобы противодействовать распространению ислама, надо открывать школы и готовить учителей, способных воспитывать в местном народе христианские понятия и любовь к русским [4; с. 88].

Проводились мероприятия туркестанской администрации в целях изучения коренным населением русского языка, а русским служащими – местных языков. В «Туркестанских ведомостях» появилась заметка по вопросу о введении государственного языка в Туркестанском крае. Автор рекомендует не приглашать русских писарей, а издать постановление о введении русского языка в делопроизводство и установить срок, в течение которого эта мера должна быть реализована. По мнению автора, русские писари и в Центральной России являются немалым злом, а в Туркестане, при неграмотном по-русски волостном управителе, будут большим злом [5; ТВ, 1898: №87].

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что не только в конце XIX и в первом десятилетии XX века, но и с древних лет и сегодня развитие образования является гарантом стабильного общества и сильного государства. Так, как образование является неразрывной составной частью любого общества, показателем его культуры и основой прогресса. В качестве связующего звена оно обеспечивает единство и преемственность социального опыта, духовно-нравственных и культурных традиций, прогрессивное развитие общества. И поэтому сегодня как никогда образование несет ответственность за судьбу государства. Поэтому вполне естественно, что каждое государство должно быть заинтересовано в развитии образования, придания этой сфере приоритетной государственной значимости.

Литература:

1. Сумарокова О.Л. Эволюция языковой политики Российской империи в Туркестанском крае, Бишкек, 2015.
2. Прибалтика и Средняя Азия в составе Российской империи и СССР: мифы современных учебников постсоветских стран и реальность социально-экономических подсчетов (экспертный доклад) / под ред. А. А. Данилова, А.В. Филиппова. М., 2010. С. 109.
3. Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876. С. 495.
4. Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865-1924 гг.). – М.: АПН, 1960. С. 88.
5. Туркестанские ведомости (ТВ), 1898, № 87.